

ТРОЕ ИЗ НАВИГАЦКОЙ ШКОЛЫ

НИНА
СОРОТОКИНА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Гардемарины

Нина Соротокина

Трое из навигацкой школы

«ВЕЧЕ»

1991

Соротокина Н. М.

Трое из навигацкой школы / Н. М. Соротокина — «ВЕЧЕ»,
1991 — (Гардемарины)

1743 год. Только что победой закончилась русско-шведская война. Еще не вошедшая в силу новая императрица Елизавета Петровна никак не может примирить двух главных своих помощников – действительного тайного советника графа Лестока и вице-канцлера Алексея Бестужева. Лесток затевает интригу с якобы готовящимся заговором против него и императрицы, в котором замешаны члены семьи Бестужева. В это же время трое воспитанников московской Морской академии, основанной еще Петром Первым с целью подготовки гардемарин для набирающего силу русского флота, – Алексей Корсак, Никита Оленев и Александр Белов – по разным причинам бегут из школы и невольно становятся соучастниками затеянной Лестоком политической авантюры. Молодые люди жаждали приключений и славы, а теперь им предстоит на деле доказать, что отвага, честь, дружба и верность – не пустые слова.

© Соротокина Н. М., 1991

© ВЕЧЕ, 1991

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нина Соротокина

Трое из навигацкой школы

Посвящается моим сыновьям

Часть первая

В Москве

Глава 1

– Пошли, Котов у себя.

– Может, не надо, а? – В голосе Алексея прозвучал последний робкий призыв к благоумию, который, впрочем, был обращен больше к самому себе, чем к двум стоящим рядом друзьям.

Князь Никита Оленев, высокий, с несуразной фигурой малый, положил на плечо Алексея руку, словно подталкивая его к двери, а третий из молодых людей, Саша Белов, запальчиво воскликнул:

– Как же не надо? Ты дворянин! Или ты идешь и в присутствии нашем требуешь у этого негодяя извинения, или, прости, Алешка, как ты сможешь смотреть нам в глаза?

– А если он откажется извиниться? – пробормотал Алексей, сопротивляясь осторожно подталкивающей руке Никиты.

– Тогда ты вернешь ему пощечину! – еще яростнее крикнул Белов.

Он предвидел эту заминку у двери и теперь дал волю своему негодованию.

– Все ты колеблешься! Ходишь, как девица, румянец боишься расплескать. Зачем только шпагу на бедре носишь? Это тебе не театральный реквизит. Может, ты и мундир сменишь на женские тряпки?

Уже произнеся последние слова, Белов понял, что про театр вспоминать сейчас ни к чему, зачем травить раны. Алешка и так на пределе, но было поздно. Недаром в школе говорили: «Козла бойся спереди, коня сзади, а тихого Алешу Корсака со всех сторон».

– Реквизит, говоришь? – Алексей сбросил с плеча руку, которая уже не подталкивала к двери, а успокаивающе похлопывала, отступил назад и рванул шпагу из ножен: – Уж тебе-то я не позволю!.. Позиция ан-гард! Защищайся, Белов!

– Сэры, вы в уме? – только и успел крикнуть Никита Оленев.

Позднее Алексей говорил друзьям, что шпагу выхватил без умысла, просто так, что он вовсе не хотел драться. «Глаза у тебя, однако, были опасные», – отвечал Никита.

Эти «опасные» глаза и заставили Оленева выставить руку, отводя острие шпаги от груди изумленного Белова. Шпага чиркнула по раскрытой ладони и повисла, опущенная к полу. К Белову вернулся дар речи.

– Ты же ему руку поранил, сумасшедший! Никогда наперед не знаешь, что ты выкинешь!

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился сухого сложения мужчина в черном камзоле. Он вышел на шум, собираясь отчитать курсантов, но так и замер с назидательно поднятым пальцем. Специальный указ запрещал в школе носить оружие, а тут мало того, что курсант при шпаге, так еще затеял оной драку.

– Что вы здесь?.. – начал Котов грозно и умолк, потому что прямо на него, выставив вперед шпагу, шел Алексей Корсак.

Глаза у Котова округлились. Вид дрожащего лезвия не столько испугал его, сколько обескуражил. Виданное ли дело, чтоб ученик шел с оружием на учителя?

Белов опомнился первым и бросился отнимать шпагу, а распаленный Алексей, который забыл, что у него в руках, решил, что ему хотят помешать объясниться с Котовым.

– Отойди, Александр! – крикнул он, отталкивая Белова. Шпага заходила ходуном, со свистом разрубая воздух.

– Отдай, дуралей, – требовал Белов.

– Не отдам, – твердил Корсак, не понимая, что он должен отдать, и судорожно вспоминая слова, которых требовал этикет: – За бесчинство ваше, сударь, я пришел требовать удовлетворения! – прокричал он, наконец.

– Какое бесчинство? Опомнись! – воскликнул Котов.

– Вы дали мне пощечину!

– Ты лжешь!

В этот момент Белов разжал белые от натуги Алешины пальцы, шпага взметнулась вверх и самым своим кончиком сорвала парик, украшавший голову учителя.

Парик описал плавную траекторию и упал прямо в руки к Никите, который как раз кончил перевязывать носовым платком кровавую ладонь. Молодой князь поднял глаза и, увидев лысую, гладкую, как кувшин, голову и обалдевшее лицо Котова, громко, неприлично захохотал. Эхо рассыпалось по коридорам, как сыгранная на трубе гамма.

И тут до понимания Алексея дошел призыв Белова, но он его по своему истолковал.

– И отдам! – крикнул он страстно. – Сполна отдам! Если не было вашей пощечины, то моя налицо... – И он наотмашь приложился к отвислой щеке, да так, что рука потом ныла, как от тяжелой работы.

Котов успел только крикнуть: «У-ух» – и задом влетел в комнату. Александр быстро захлопнул дверь и, подхватив обомлевшего Корсака, понесся прочь по коридору. Никита повесил на ручку двери парик и, громко хохоча, бросился вслед за друзьями.

– Как при тебе шпага-то оказалась? – сердито спросил Александр, когда они, переводя дыхание, выскочили на улицу.

– Я из театра. – Только сейчас Алексей осознал, что совершил. – Теперь все, конец... в солдаты... или в Сибирь! Котов ведь решил, что я убивать его пришел. Почему вы меня не остановили?

– Перестань причитать, – все еще смеялся Оленев. – Посадят всех под арест, это точно. Всыплют. Но пусть это Федор делает. Ему это по чину положено. Но чтоб всякие штык-юнкеры руки распускали... Мразь! Доносчик!

– Хорошо ты его. – Белов тоже позволил себе улыбку. – Рожу теперь раздует пузырем. А как грохнуло, господа!

Они шли по улице, размахивая руками, припоминая новые подробности и смешные детали. Сзади, горестно вздыхая, тащился Алексей.

– Такое и в помыслах представить страшно, – приговаривал он. – Вас посадят и выпустят, а со мной что будет?

– Не хнычь! – крикнул Оленев. – Ответ будем держать все вместе. Выше нос, гардемарины!

И они пошли в трактир обмыть пощечину.

Глава 2

Описанное событие происходило под сводами Сухаревой башни, где в сороковых годах XVIII столетия размещалась Морская академия, или, попросту, навигацкая школа, готовящая гардемарин для русского флота. Когда-то навигацкая школа была очень нужна России. Море было истинной страстью Петра I. Чуть ли не все свое дворянство решил он обучить морской службе, чтобы превратить дворянских детей в капитанов, инженеров и корабельных мастеров.

Для этих целей и открыли в Москве в 1701 году школу математических и навигационных искусств. Курсантов набирали принудительно, как рекрутов в полк. Дети дворян, подьячих, унтер-офицеров сели за общие парты.

Обучение велось «чиновно», то есть по всем правилам. Профессор Эбердинского университета Форварсон с двумя помощниками учили недорослей морской науке. Леонтий Магницкий, автор известной «Математики», вел цифирный курс. Неутомимый соратник Петра Брюс оборудовал обсерваторию в верхнем ярусе Сухаревой башни и сам с курсантами наблюдал движение небесных светил.

Обыватель обходил стороной школу на Сретенке, считая ее притоном чернокнижия. Про Брюса говорили, что он продал душу дьяволу за тайну живой и мертвой воды.

После смерти Петра многие его начинания были брошены. Наследники престола занимались казнями, охотой и балами. Бывшие соратники преобразователя, видевшие смысл жизни в служении государству, после смерти своего кумира сбросили личину патриотов и вспомнили о собственных кровных нуждах.

В России легче было построить флот, чем привить понимание в необходимости этого флота. Сейчас, когда корабли тихо гниют в обмелевших кронштадтских гаванях, вспоминая битвы при Гангуте и Гренгаме, когда сама мысль о России, как морской державе, стала ненужной и хранилась только по привычке, Московская навигацкая школа совершенно захирела.

Еще при Петре в 1715 году в Петербурге создали Морскую академию для прохождения всей мореходной науки, а в Сухаревской школе, хоть и была она по примеру столичной переименована в академию, предписывалось иметь только начальные курсы.

Но переводить курсантов, или, как их называли, «морских питомцев», в Петербург на доучивание было хлопотно, дорого, и их опять после прохождения арифметики принялись кое-как обучать круглой и плоской навигации, морской астрономии и прочим премудростям.

Адмиралтейская коллегия с недоумением просматривала штат навигацкой школы – закрыть ли ее совсем или присовокупить к другому учебному заведению? В петербургской академии питомцы живут в казармах, гвардейские офицеры поддерживают в классах строгий порядок, а в Москве все по старинке. Да и как учить «фрунту» орду в разноситых, драных мундирах? Как заставить ходить на занятия расселенную по трущобам «морскую гвардию», если от голода и тоски по дому курсанты будто хмелели, смотрели независимо и впадали в предерзости, из которых самая невинная – ограбление монастырского сада или пекарни?

В те времена аппетит к знаниям прививался поркой. Слова «бить» и «учить» всякий недоросль воспринимал как синонимы. Но навигацкая школа побила все рекорды. В нее привозили столько розог, что вышеназванное учебное заведение можно было скорее принять за фабрику по производству корзин и прочих изделий из гибкой лозы.

Розги сваливались в просторном подвальном помещении, прозванном курсантами «крыйт-камерой»¹, там же происходили ежедневные экзекуции. Правый угол подвала был разделен на закутки, в которых отсчитывали часы и дни посаженные на гауптвахту.

¹ Крыйт-камера – каюта на корабле, где хранится боезапас.

Секли за малейшую провинность, а более всего за нежелание учиться. Ничто не вызывало в сухопутных курсантах большего отвращения, чем море. Им казалось, что их готовят на роль утопленников, а весь этот гвалт про защиту отечества, лоции, фокмачты и навигацию не более чем ритуал перед тем страшным часом, когда они пойдут на дно. «Хоть плохонькую службу, да на берегу», – было молитвой курсантов.

Были, правда, в школе и такие, в которых море вызывало не страх, а любопытство и даже интерес, и свои честолобивые замыслы они связывали именно с флотом. В числе таких курсантов были Алеша Корсак – неудачный дуэлянт. Но вот насмешка судьбы! Секли прилежного и, по признанию учителей, остропонятливого Корсака не только не реже, но даже чаще, чем самых нерадивых, самых тупоумных учеников. Виной тому были Алешин простодушный характер, вспыльчивый нрав и прямо-таки фатальная невезучесть.

Алеша жил в нереальном, выдуманном мире. Убогая маменькина усадьба, забытая за три года, сквалыга хозяйка, у которой он квартировал, неприязнь учителей, опостылевший театр, всевидящее око Котова – все это существовало само по себе, а он бредил морем, грозными баталиями и теми далекими странами, где нас нет, и уже потому там хорошо.

За эту нелепую, непонятную любовь к морю курсанты считали Корсака чудаковатым, чуть ли не помешанным, и ждали только очередной истории, в которую тот попадет, чтобы всласть посмеяться за его спиной. Смеяться над Алешей в лицо было опасно. Одному насмешнику он скулу в драке свернул, другому пальцы отбил, третьему... Да что говорить! В гневе, тихий и даже трусоватый, по мнению курсантов, Корсак совершенно забывался и мог ударить чем не попадя.

Остропонятливых в Сухаревской школе не любили. Курсанты считали их подлизами и выскочками, учителя тоже не нуждались в слишком шустрых – много лишних вопросов, а то еще спорить начнут... Навигацию в школе преподавал мрачного вида англичанин по кличке Пират. Изъяснялся он на немыслимом жаргоне из смеси русских, английских и даже испанских слов, словно эксперимент ставил во славу лингвистики – а вдруг поймут? Но понять было невозможно, и Алексей, для того чтобы разобраться в морских учебниках (русских учебников по навигации еще не было), начал втайне от всех изучать английский язык.

Через полгода Алеша стал улавливать в лекциях англичанина столь тщательно скрываемый им смысл, и только отдельные, особенно часто повторяемые Пиратом слова-термины, оставались непонятными.

Тогда Алексей, полистав навигацкий словарь и не получив в нем ответа, обратился на лекции к англичанину за разъяснением. Пират свирепо прищурился и довольно чисто перевел на русский непонятные термины. Алеша покрылся краской, курсанты грохнули хохотом, а англичанин, выделив таким образом Корсака (для него все ученики были, как арапы, на одно лицо), стал придирается к этому остропонятливому по поводу и без повода.

А каждая придирка – это порка в крюйт-камере или общей зале, где курсанты собирались для молитвы.

В священном законе греческого вероисповедания наставлял курсантов отец Илларион, человек рассеянный и добродушный. Многие находили в его лице заступника, но Алексей и с ним не нашел общего языка.

Пользуясь повышенной смешливостью веселого попа, морские питомцы во время богослужения, если не присутствовало начальство, выкидывали иногда каверзы, впрочем весьма традиционные и безобидные. Однажды отец Илларион так увлекся служебным ритуалом, что не заметил, как один из курсантов поставил на оклад вместо иконы светскую картинку, закрыв лик Всескорбящей. Изображенная на картинке девица томно улыбалась и протягивала изумленному священнослужителю бокал вина.

На этот раз отец Илларион не рассмеялся, а обрушился на паству с бранью. Алеша стоял в первом ряду, как всегда во время богослужения витая где-то мыслью, и поэтому не сразу

заметил, что произошло. Кадило в руках разъяренного отца вертелось, как праща, и больно ударило юношу в бок. Воспринимая все обидные слова на свой счет, Алексей побагровел и, вцепившись в эфес шпаги, прокричал: «Я вам, батюшка, дворянин, а не “мерзкий богоотступник”!»

Отец Илларион сразу умолк, окинул Алешу пристальным взглядом и исчез за царскими вратами.

Батюшка очень обиделся за такое непочтение к сану, но доноса на еретика-курсанта не настрочил, считая это несовместимым со своим положением. Однако вездесущий Котов придал сцене на заутрене гласность, особо упирая на то, что Корсак при разговоре держался за шпагу. За это «держание» Алексей был порот сильнее обычного и трое суток просидел в закутке крюйт-камеры, а курсантам было строжайше запрещено являться в школу при шпаге.

Штык-юнкер Котов вел в навигацкой школе курс под названием «Рыцарская конная езда и берейторское обучение лошадей». Трудно представить себе что-либо более бесполезное для моряка, чем берейторское обучение, разве что «Науку о различных способах пускания мыльных пузырей», но мало ли несуразностей нес с собой век просвещения. И в Москве и в Петербурге знали, что всесильный Бирон – страстный любитель лошадей. Знали также, что напрямую говорить об этом не надо, потому что страсть эта как бы наследная: Биронов дед был не граф, не маркиз, а конюх у герцога Курляндского. Но так хочется русскому чиновнику угодить, так сладко угадать скрытые желания фаворита, что, не ожидая прямого указания сверху, школьное начальство придумало новую дисциплину, определив на службу штык-юнкера Котова.

Скоро, однако, об этом и пожалели, и не только курсанты. Несмотря на то что Котов был неводержан на язык, груб, крайне самонадеян и дремуче безграмотен во всем, что выходило за рамки рыцарской конной езды, ему удалось занять в Сухаревской школе куда более значительное положение, чем полагалось ему по скромной его должности. И не без основания! Ходили слухи, что еще тридцать лет назад был он назначен фискалом, или «правдивым доносителем», как называли тогда добровольных помощников «Активного контроля». Орган этот учредил Петр, «дабы обнаруживать грабителей народа и повредителей интересов государственных». Говорили, что не одну душу погубил штык-юнкер, что многих раздел до нитки, а поскольку сам он при этом оставался гол как сокол и не нашел на старости лет ничего более прибыльного, чем преподавание в заштатной школе, то выходило, что доносил и подличал он не из корысти, а из любви к делу. Это казалось совсем непонятным и мерзким. Понимали также, что и во времена Анны Иоанновны он не оставил своего патриотического дела.

Носил Котов черный, застегнутый до горла камзол, лицо и парик содержал в отменной чистоте и только глазам, что с ними не делай, не мог придать приличный вид. Покрытые сетью тончайших красных жилок, они казались мясистыми, как фрикадельки. Котов знал, что глаза его не красят, и часто во время назиданий прикрывал их темными морщинистыми веками.

Этот человек и был главным мучителем Алеши Корсака. Какая-то неуловимая черта в характере юноши вызвала в Котове неодолимое желание бить, ломать, переделывать. Не то чтобы Корсак не боялся штык-юнкера – боялся, как все, и даже не фрондировал, как некоторые, не грубил. Алексей оскорбительно не замечал любителя конной езды. При всех экзекуциях рядом с распластанным телом Алексея неизменно торчал черный камзол и гнусавил голос: «Сие впрок пойдет». После каждой порки Корсак вставал, натягивал штаны и даже взглядом не удостоивал штык-юнкера, словно тот был пустое место.

От простодушия или недомыслия Алексей не признавал за Котовым права читать нотации, вмешиваться в личную жизнь и не понимал особой значимости его в школе. А непонимание есть бунт, и все грехи Корсака стал штык-юнкер держать в уме.

Раздача стипендии не входила в обязанности Котова, но и тут он решил навести свой порядок. «Малое жалованье» (всего-то рубль в месяц!) платили всегда неисправно, вызывая

полнейшую неразбериху, – кто два раза получил, кто ни одного. Котов стал выдавать деньги по алфавиту. Когда курсанты от «А» до «К» получали положенное жалованье, неудачники от «Л» до «Я» довольствовались недоимками за прошлый месяц.

Денег регулярно не хватало, и Котов начал передвигать фамилии по своему разумению, отмечая неоплаченных красными и синими чернилами, кружочками и галочками.

Фамилия Корсак находилась как раз на стыке мысленно проведенной в списке черты, что помогло штык-юнкеру задолжать Алексею не за месяц, а за три. Котов потерял эту фамилию скорее не по прямому расчету, а повинувшись скрытому голосу души своей, но бесхитростный Корсак не понял этого и в присутствии курсантов обвинил штык-юнкера в злонамеренности этой ошибки. Котов смертельно обиделся и с бранью ударил ученика по лицу.

– Одно дело, когда бьют по мягким местам. Это и уставом предусмотрено, – говорили курсанты. – Но совсем другое дело пощечина. Да и дворянского ли он звания? Этого ему нельзя спускать!

– Ты обязан!.. – горячо говорил Белов.

– Ты просто не имеешь права... – вторили курсанты.

Никита Оленев ничего не говорил, но так сокрушенно качал головой, что Алексей первый раз в жизни почувствовал себя битым, словно и не пороли его каждую неделю. Это и привело трех наших героев к вышеописанной сцене, которая круто повернула их жизнь, заставив стать участниками событий, может быть, вовсе не уготовленных им судьбой.

Глава 3

В третьем ярусе Сухаревой башни размещался рапирный зал. Обучал курсантов шпажной игре полнощекий мусье с кошачьими усами и повадками мушкетера. Десять лет он растратывал в Москве свое педагогическое умение, но так и не привык к русскому характеру. Показываешь им блистательный бой, а они в окно смотрят на крыши, на огороды, на открытые взору дворы, а то ласточек хлебными крошками начнут кормить. Трудно работать в России! Он твердил курсантам, что шпага суть дворянская доблесть, панацея от всех бед. Ученики вполне усвоили положение руки «*moienne*», «*quarte*» и прямой выпад с ударом, но воспитать в них задор и святую веру, что шпага поможет им выйти из любого трудного положения, так и не удалось азартному французу.

Шпага для курсантов как была, так и осталась принадлежностью модного туалета, данью куртуазности, но каждый знал, коли дойдет до важного дела, то лучшего оружия, чем кулак или дубина, не найти.

Белов был любимым учеником, и хоть мусье не признавался себе в этом, превзошел своего учителя в умении фехтовать. Молодость, хорошая осанка и бесстрашие помогли ему в этом, а главное – не с морской стихией связывал Саша Белов свои честолюбивые мечты. Он хотел в гвардию, а именно в лейб-гвардию, на обязанности которой лежала охрана царского дворца. Поэтому главный курс обучения видел Белов не в математике, не в изучении качества рангоута и такелажа, а здесь, в рапирном зале. Лейб-гвардеец должен отлично владеть благородным оружием!

В отличие от друга Корсак плохо фехтовал. В минуты горячности он забывал все приемы, ему было все равно чем драться – шпагой или кочергой. В классе он все делал правильно, но не чувствуя настоящей злобы к противнику, фехтовал вяло, скучно, словно бубнил набивший оскомину урок.

Оленев тоже не любил шпагу. В его руках любое оружие выглядело нелепо. Он вообще не любил драться, и только нежелание выслушивать ругань Котова да постоянная угроза порки удерживала его от пропусков занятий в рапирном зале.

После уроков француза друзья часто собирались где-нибудь в уединенном месте, чтобы повторить фехтовальные приемы, а чаще просто поболтать о том о сем. Больше всего они любили маленькую лужайку на берегу Самотеки, защищенную от городского шума старым погостом и храмом Свв. Адриана и Натальи.

Жарко... Июль на исходе. Никита улегся в тени одинокого вяза, закрыл лицо платком и слегка похрапывает, Белов вертит шпагой, тренируя кисть, Алеша сидит поодаль, опустив ноги в воду, и швыряет камешки в стайки мальков.

– В августе распустят по домам, – раздается голос из-под платка. – Потом еще год...

– Угу... еще год. – Саша ловко срубает шпагой венчик ромашки. – Тоска...

Не вяжется сегодня беседа, настроение, видно, не то. А при хорошем настроении какие разговоры случались под старым вязом! Здесь мечтали и ругали учителей, здесь вольнодумствовали и насмешничали, зубрили науки и обсуждали достоинства и недостатки прекрасного пола, никого конкретно, а вообще... вот ведь загадочные существа! Но более всего спорили о долге и дворянской чести.

Роль ментора в этих спорах обычно доставалась Никите. Начинал он всегда своей любимой фразой: «Жители Афин говорили...»

– Тебя послушать, так умнее древних афинян нет никого!

– Вспомни Сенеку. – Никита умел быть невозмутимым. – Оскорбление не достигает мудреца.

– Оскорбление словом, но не рукоприкладством, – горячился Саша. – А если мудрецу по роже съездят?

– Циник Крат, получив удар кулаком в лицо, повесил под кровоподтек табличку: «Это сделал Никондромас», и все афиняне сочувствовали ему и презирали обидчика.

– Если в России так отвечать на побои, то все бы оделись в дощечки. Со мной этого не будет! Я шпагой защищу свою честь! Жители Афин говорили, что честь у гражданина может отнять только государство.

– Угу... Напишет один гражданин на другого гражданина донос в Тайную канцелярию, и государство с готовностью отнимет не только честь твою, но и жизнь.

– Любишь ты, Сашка, Россию ругать!

– Отнюдь! Просто я понимаю, что с государством не повоюешь, а с гражданином можно. – Как озорно умел Сашка блеснуть глазом, а потом продолжить то ли дурашливо, то ли серьезно, не сразу и поймешь: – Как говорит Соборное уложение государя нашего Алексея Михайловича от 1649 года...

– ...в котором, как известно, девятьсот шестьдесят семь статей, – поддакивал Никита, – и из которых ничего нельзя понять...

– Но, но! Я говорю об уложении о чести и бесчестии...

Алеша обычно не вмешивался в эти споры, следуя мудрой пословице: «Audi, vidi, sili» – слушай, смотри и молчи. Да и о чем спорить? Алеше казалось, что правы оба. Но однажды он не выдержал:

– Саш, что ты все о себе да о дворянской чести? Шпагой можно защитить слабого, например женщину!

С той поры друзья при всяком удобном случае подтрунивали над Алексеем, сочиняя образ некой обиженной дамы, чью жизнь будет защищать Алешка в далеких портах.

– Алешка! – крикнул Александр. – Хватит ногами болтать. Лучше становись в позицию. Будем отрабатывать фланконаду. Ты сегодня отвратительно дрался.

– Зато он хорошо дрался вчера, – разомлевшим голосом сказал Никита, – с Котовым... Ювелирная была битва. Но больше бряцать оружием не надо, это утомляет... Гардемарины, а где белая коза? Я к ней привык. Почему она не идет?

– Тьфу на вас! – обиженно сказал Алексей. – Как вы можете, право... Уже сутки прошли. Неужели замнут дело?

– Вряд ли, мой друг, – сказал Никита, обмахиваясь платком.

– Так чего тянут?

– Фискал рожу боится показать. Вот когда синяк чуть-чуть слиняет, он глазнапы свои красные почистит и пред глазами директора предстанет – так, мол, и так... А дальше колодки, Владимирка, Сибирь...

– Да ну тебя к черту. Голова идет кругом...

– Послушай, Алеша, когда мысли твои в смятении, – начал Александр патетическим тоном, – и голова идет кругом, возьми шпагу и разогрей мышцы. Это научит тебя презирать боль, очистит мозг от скверны и прибавит уменья в обращении с благородным оружием. Саша встал, одернул камзол, легким щелчком поправил манжеты, хотя этого и не требовалось, Сашин костюм всегда в безукоризненном порядке.

– Ремесло гладиаторов, – проворчал Никита и опять лег, закинув за голову длинные руки.

Алексей, по опыту зная, что Саша не отвяжется, вынул ноги из воды и долго махал ими в воздухе, пытаясь сбить капли.

– Башмаки надень, поскользнешься...

– Да ну... – бросил Алеша, разыскивая под лопухами шпагу.

В его больших, серых у зрачка и ярко синих по ободку глазам тоска: «Кой черт Сашке надо, чтобы я фехтовал? Почему я перед ним робею? И вообще иду у них на поводу... Оскорб-

ление не достигает мудреца... И вот я как циник Крат... И Никита уже не советует повесить мне на щеку табличку! И еще зубоскалят: колодки, Сибирь!..»

– Начнем! Ты усвоил одни парады: кварту и винту, а нужно еще уметь рипост и контр-рипост...

Алексей встал в позицию и сделал выпад.

– Не так, не так, – тут же закричал Саша. – Нет в тебе настоящей злости. Шпагу держишь ватно! В бою главное крепкая, подвижная кисть. Слушай... Гамбург, а хочешь, Венеция... Ночь... Твой фрегат у причала, и ты пошел в таверну выпить стаканчик рома, а хочешь, пива... Та-ак! Теперь дегаже – выводи мою рапиру из линии прямого удара. Укол! Экий ты неловкий... Смотри на меня! Я не друг твой Александр Белов, я пьяный шкипер у таверны и обижаю даму. Видишь, она плачет? «Ух ты, мерзавец! – кричишь ты. – Дегаже, укол!» Какого такого дьявола, сэр, какого черта, разрази вас гром! – или как там ругаются пьяные шкипера? Так, хорошо... Умница, тебя главное разозлить!

Потные фехтовальщики повалились на траву. Никита приоткрыл глаз.

– А если так... Ночь, Петербург, фрегат, кабак... И где-то на его задворках пьяный мужик таскает за косу свою дочь. «Вы что это делаете, сэр?» – кричит наш горячий друг и выхватывает шпагу. Мужик повалится в ноги, а потом за это заступничество уж с дочкой посчитается...

– Любишь ты, Никита, Россию ругать, – крикнул Александр и навалился на разморенного приятеля.

Короткая схватка, и вот уже Белов лежит внизу, а Никита, скрутив ему руки, нравоучает:

– Главное, предугадать движение противника. «Сила отражается силой» – так говорили древние. Дегаже, удар!

– Оленев, Белов, прекратите! Как вы можете? Вот дураки! Никита, оглянись, вон твоя коза пришла. Князь, тебя коза ищет!

Из-за кустов действительно появились сначала рога, потом аккуратная жующая мордочка.

– Где-то у меня был хлеб. – Никита сунул руку в карман.

Александр сбросил с себя тяжелое тело и, привалившись к вязу, начал приводить себя в порядок.

– В субботу спектакль, – как бы про себя сказал Алеша.

– На спектакль отпустят, – отозвался Никита участливо. – И потом нас еще не посадили.

– Вас посадят и выпустят, а меня и впрямь могут в солдаты списать. В прошлом году, когда Чичигов Василий уезжал в Кронштадт, уговорились мы, что через год-два приду под его начало. Вслед за Берингом мечтали пойти. А теперь...

– И что говорят по этому поводу жители Афин? – усмехнулся Саша.

– Жители Афин, а также государь Алексей Михайлович в своем уложении говорят, – Никита усмехнулся, – мол, береги честь смолоду...

– Как платье снову, – тут же отозвался Саша.

– Опять вы за свое... Честь! Знать бы что это такое!

– Я думаю. – В лице Никиты вдруг появилось задумчивое, даже растерянное слегка выражение. Алеша знал это грустное выражение, и особенно любил друга в эти минуты. – Честь – это твое достоинство, как ты сам его понимаешь. И если ты видишь неуважение достоинства твоей личности, – голос Никиты зазвенел, – то это надобно пресечь! Потому что... жизнь наша принадлежит отечеству, но честь – никому.

Саша посмотрел на Никиту восторженно.

– А неплохо сказано, а? Жизнь – Родине, честь – никому! И отныне – это наш девиз.

Алеша вздохнул и стал надевать башмаки.

Глава 4

Утешая друга, мол, «на спектакль отпустят», Никита не догадывался, что даже гаупт-вахты Алексей боялся меньше, чем субботнего представления. Стать артистом его заставили бедность и страх.

Как уже упоминалось, стипендия курсантов составляла рубль в месяц. На эти деньги каждый должен был обеспечить себе мундир, квартиру и стол, а так как большинству учеников из дома присылали очень мало или ничего, то, чтоб не умереть с голоду, морские питомцы прирабатывали на стороне кто как мог.

Белов репетиторствовал сына богатой вдовы. Впрочем, жизнь его протекала в сфере, не доступной пониманию курсантов. Он имел связи, ходил франтом, при этом был скрытен, а в разговоре умел напустить такого туману, так значительно намекнуть на свою принадлежность к высшим кругам, что никто не удивился бы, узнав, что вдова выдумана им для отвода глаз, для объяснения внезапных исчезновений и водившихся в карманах денег.

Княжеский отпрыск Никита Оленев попал в навигацкую школу из-за каких-то семейных неурядиц, но подмогу из дома получал регулярно, и немалую, чем и выручал друзей в трудных ситуациях.

Алексее судьба уготовила приработок самый ненадежный и экзотический. Он играл в театре, труппа которого состояла из курсантов артиллерийской школы и семинаристов Славяно-греко-латинской академии.

В театр Алексей попал случайно. Один из самодеятельных актеров квартировал по соседству и уговорил Алешу пойти на представление. В антракте шутки ради Алексей примерил женское платье, и надо же тому случиться, чтобы в этом наряде его увидела попечительница театра, женщина чрезвычайно влиятельная и активная. «Где вы нашли такую красотку?» – возторженно спросила попечительница. «Это, ваше сиятельство, не красotka, а красавец», – проворчал суфлер. Последнее замечание ничуть не смутило попечительницу. В театре все женские роли играли мужчины. «Ты будешь играть у нас Калерию», – сказала важная дама. Алексей отказывался изо всех сил. Он-де бесталантен, застенчив, но ничего не помогло.

Через неделю после роковой примерки его вызвали в дирекцию навигацкой школы и намекнули, что если он откажется играть в театре, то, невелика птица, может и вылететь из родных Сухаревых стен в ближайшие же сутки. «На тебя, дурака, такая дама внимание обратила, а ты нос воротишь!» – дружелюбно проворчал директор на прощание. И Алексей смирился.

Благодетельница не оставила его своим вниманием. После каждого спектакля он получал от нее деньги и богатые подарки: кружева, кольца. Однажды она расщедрилась даже на часы, сунув их в кармашек камзола, и запечатлела на Алешином лбу горячий, как клеймо, поцелуй. На каждое представление он должен был непременно надевать все презенты, чем вызывал завистливые и злые насмешки актеров.

Алексей ненавидел театр. Он так и не привык к сцене, боялся зрителей, но более всего его пугала предстоящая расплата с благодетельницей. Она повадилась сама облачать Алексея перед спектаклем в пышные юбки, сама накладывала грим на его румяные, без признаков растительности щеки. Не нуждавшийся в бритве подбородок и естественная мушка на правой щеке, особенно умилявшая благодетельницу, вызывали в душе юноши жестокую обиду на природу. Не торчала бы эта дурацкая родинка и брейся он, как все, и не носил бы опостылевших юбок, не ждал с ужасом, как в один прекрасный день швырнут его на подушки кареты и умчат на расправу, как называл он мысленно улады любви с сорокалетней прелестницей.

В этот век фаворитизма, который, как репей, пышным цветом расцветал и на хорошо унавоженной почве царского двора и на тощих землях московских задворков, ходить в любов-

никах богатых дам, старших тебя вдвое, не только не считалось зазорным, но мнилось подарком судьбы, крупной удачей, с помощью которой можно было делать карьеру и устраивать денежные дела.

Всю весну благотельница жила при дворе в Петербурге, и Алексей получил четыре месяца передышки. И вот приехала...

Алексей был призван в дом и принят чрезвычайно милостиво.

– Приеду на спектакль. Чем порадуешь, голубь мой? Вырос, возмужал... Пора тебе переходить на мужские роли! А?

Нарумяненное, чуть рябое лицо светилось благодушием, но что-то новое появилось в его выражении. Видно, Алексей действительно вошел в сок. Раньше она не улыбалась так плотно, не говорила про амурные улады. Алексей покрывался испариной от каждого смелого намека.

На прощание она погладила его родинку и чуть ли не силой всунула в руку кошелек.

– Не смущайся, друг мой... Такие мушки называются «роковая тайна». За такие мушки деревни дарят...

В полном смятении после визита он бросился к Никите.

– Хочешь есть? – встретил Оленев друга. – Гаврила отличное жаркое из трактира принес и щи.

– Щи? Нет. Скажи, Никита, что такое любовь?

– Слиянье душ, – тут же отозвался Никита, словно давно приготовил ответ.

– А если?.. – Алексей вспыхнул и умолк.

– Тогда слиянье тел, – быстро уточнил Никита.

– А если я не хочу!

– Что значит – не хочу? Любовь это как... жизнь. Я думал об этом. Любовь это такая штука, которую можно как угодно обозвать, с любым прилагательным соединить, любым наречием усилить. Скажи какое-нибудь слово.

– Дождь, – бросил Алеша безразлично.

– Освежает, как дождь, любовь!

– Дерево...

– Подобно корням его оплетает душу, подобно кроне его дает тень измученной душе.

– Сапоги, – приободрился Алеша.

– Если жизнь – пустыня, то любовь – сапоги, которые уберегут тебя от ожогов горячего песка.

– А если жизнь не пустыня, а просто... земля?

– Кому пустыня, кому оазис – это как повезет. Но как Ахиллес от матери – земли Геи – черпает силу, так и возлюбленный...

– Тебя не собьешь, – перебил Алексей друга, ему уже надоела эта игра. – Ладно – Котов. Любовь и Котов. Как их вместе соединить?

– Подл, как Котов, глуп, как Котов.

– Вот, вот, подла и глупа – любовь!

– Это когда тебя не любят, – согласился Никита.

– Нет, когда любят. – Алексей насупился.

– *Omnia vincit amor!*² – пылко воскликнул Никита.

– Ради бога, не надо латыни. Давай лучше шей.

Алеша жевал, смотрел на Никиту – милый друг, он всегда готов помочь – и видел перед собой безрадостную картину. Он, Алексей Корсак, стоит в пустыне без сапог, идет дождь, но не освежает, душа его сморщилась, как кора дуба, и хочется выть: «Пронеси, Господи!»

² Любовь побеждает все! (лат.).

Глава 5

Пятница не принесла изменений в судьбе Корсака – его не арестовывали, не стращали розгами, не объявляли начальственной воли. Утром в классы, как сквозняк, проник передаваемый шепотом слухок: «Заговор... в Северной столице... против государыни...»

Какое дело навигацкой школе, такой далекой от дел двора, до каких-то тайных соглашений и действий в далеком Петербурге? Курсантам ли страшиться заговора? Но ежатся сердца от предчувствия близких казней, пыток, ссылок, и если не тебя злая судьба дернет за вихры, то ведь и ты не далек от беды – кого-то знал, с кем-то говорил, о чем-то не так, как следовало, думал...

Мало ли голов полетело с плеч в светлое царствование Анны Иоанновны, и хоть доподлинно известно, что ныне здравствующая государыня Елизавета перед иконой дала обет смертную казнь упразднить, кто знает цену этим обетам и кто рассудит, если обет будет нарушен?

Вскрыл гнойник заговора Арман де Лесток, лейб-хирург и доверенное лицо государыни Елизаветы.

Прежде чем перейти к сути заговора, необходимо вернуться назад и подробно рассмотреть весьма любопытную фигуру придворного интригана – Иоганна-Германа-Армана де Лестока. Он появился в Петербурге около тридцати лет назад в числе нескольких лекарей-иностранцев, вызванных Петром для службы в России. Искусству врачевания он выучился у отца, который, впрочем, считался более цирюльником, чем лекарем. Продолжил свое образование Лесток во французской армии и вынес из этого «университета» твердое убеждение, что лучшего средства против любой болезни, чем кровопускание, найти невозможно.

В Петербурге он сполна использовал свой опыт – пускал кровь и при насморке, и при подагре, и при вздутии живота – и делал это так искусно, что вскоре стал называться не просто лекарем, а хирургом. Получить приставку «лейб», то есть «состоящий при особе монарха», ему помогли деятельный и веселый нрав, любовь к блеску и приключениям. Лесток настолько прижился при русском дворе, что стал своим человеком в доме Петра.

При восшествии на престол царица Екатерина I вручила ему в руки жизнь дочери, назначив Лестока лейб-хирургом Елизаветы Петровны.

Надо отдать Лестоку должное – он не оставил свою царственную пациентку в трудное для нее время. В правление Анны Иоанновны двор цесаревны Елизаветы влачил довольно жалкое существование, и Лесток не только пускал кровь, но был отличным развлекателем, душой общества, отличным партнером за карточным столом и доверенным лицом опальной дочери Петра.

Времяпровождение цесаревны весьма интересовало Анну Иоанновну, Елизавета заводила опасные связи, французский посол Шетарди был ее приятелем. Большую часть времени, вопреки желанию царицы, она проводила в своем Смольном доме у гвардейских казарм. Подальше бы держаться Елизавете от гвардейских казарм! Для старой гвардии «матушка Елизавета Петровна» – живое напоминание о славном прошлом. Гвардейцы ее боготворят. До Анны Иоанновны то и дело долетали слухи: то цесаревна на венчании какого-то сержанта-преображенца, то на крестинах. А заигрывание с гвардией известно чего стоит!

Лестоку в те времена открыто предложили наблюдать за цесаревной и доносить о каждом ее шаге, и хотя лейб-хирург очень нуждался в деньгах, он отказался. Природный инстинкт подсказал ему, что верность в его положении будет оплачена более щедро, чем предательство. И не ошибся.

Как только Елизавета взошла на престол, она сделала своего лекаря графом, тайным советником и главным директором медицинской канцелярии.

Новое назначение на время излечило Лестока от хронического недомогания – безденежья. Лейб-хирург жил всегда широко, вел крупную карточную игру, держал свору собак, любил хорошую кухню. Скромного лекарского оклада никак не хватило бы на такую жизнь, если бы не постоянная денежная помощь наихристианнейшего короля Людовика XV. Да, да... Лесток состоял на службе у французского двора так давно, что сам позабыл, с чего все началось.

В те годы подобную службу не оскорбляли унижительным словом – шпион. Чуть ли не все русские министры получали щедрые подарки от иностранных дворов. А какая разница – единовременный крупный подарок или постоянный не слишком щедрый пансион. Главное – полученные денежки помогали оной державе в ее политике. И Лесток твердо помнил, что русские дела – его кровные и французские – его кровные.

Франции что надо? Чтоб жила Россия тихо, как пятьдесят лет назад – патриархальное, удельное государство, чтоб дружила с Парижем и прислушивалась к советам мудрого старца – кардинала де Флери – фактического правителя Франции.

Активно помогал Лестоку в его стараниях французский посол Шетарди. Можно только диву даваться, сколько полезных Людовику XV дел устроил этот человек в России, но пересердствовал, допустил ряд грубых политических ошибок и был срочно отозван в Париж.

Отъезду Шетарди весьма способствовал вице-канцлер Алексей Петрович Бестужев, враг французской политики, а следовательно, и Лестока. За небольшой срок вице-канцлер успел приобрести огромный вес при дворе, с ним весьма считается сама государыня Елизавета. Бестужев не устает твердить, что он последователь реформ Петра Великого, что Россия – морская держава, а потому могуществу ее послужит сотрудничество с Англией. Он также ратовал за содружество с Австрией, правильно полагая, что оно необходимо для сохранения политического равновесия. Более всего европейские дворы волновала борьба за так называемое австрийское наследство, то есть за принадлежащие дряхлеющей Австро-Венгерской монархии земли: Чехию, Богемию, Венгрию, а Бестужев никак не хотел, чтобы Франция или Пруссия усилились за счет получения этих земель и стали бы диктовать России свои условия.

Вернемся к заговору. Погожим июльским утром Елизавета собиралась в Петергоф. Двор был уже там. Во дворце шла предотъездная суета. Грузили на подводы мебель, упаковывали гардероб императрицы, фрейлины принимали и отдавали последние распоряжения. Царская карета была уже подана к подъезду, когда на взмыленной лошади прискакал со страшной вестью Лесток: «Доподлинно известно, что обер-шталмейстера Куракина, камергера Шувалова и его, Лестока, хотят умертвить, а потом отравить и саму государыню».

Это известие произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Двор пришел в панику. Куракин и камергер Шувалов со страху заперлись в комнате прислуги, придворные не смыкали глаз ни днем ни ночью, у каждой двери стояли часовые. Именным указом у покоев императрицы был поставлен гвардейский пикет.

Только через три дня взяли первого злодея. Им оказался подполковник Иван Лопухин, и следственная комиссия в составе Лестока, генерал-прокурора Трубецкого и главы Тайной канцелярии Ушакова приступила к первым допросам.

Лопухина еще не называют отравителем, этому пока нет доказательств, но комиссии известны дерзкие речи молодого подполковника: «При дворе Анны я был камер-юнкером в полковничьем чине, а теперь определен в подполковники и то не знаю куда. Государыня Елизавета ездит в Царское Село и напивается, любит английское пиво и для того берет с собой непотребных людей. Ей и наследницей-то быть нельзя, потому что она незаконная». Не умел Иван Лопухин держать язык за зубами в пьяной компании.

Эти речи еще не заговор, но их вполне достаточно, чтобы висеть на дыбе, потому что от таких слов пахнет дворцовым переворотом.

Елизавета хорошо помнит, что это такое, недавно было – год назад. Ночь, холод... Чадят масляные факелы, и гренадеры по темным улицам несут ее во дворец, где спят регентша

и император Иван. «Матушка...» – шепчут гренадеры Елизавете, но это не успокаивает – страшно! А ведь тогда она сама шла свергать и арестовывать, а как страшно было тому, кого она арестовывала? Она, дочь Петра, незаконная? И все потому, что родители обвенчались после ее рождения? А кто же тогда законный? Этот мальчишка Иван, которого положили на русский трон двух месяцев отроду? Иван – сын немца и немки?

Когда родился он, уже смертельно больная Анна Иоанновна повелела самому Леонарду Эйлеру составить гороскоп для новорожденного племянника. Эйлер составил гороскоп. Но звезды предсказали такую страшную участь будущему царю, что великий математик, боясь гнева императрицы, представил вымышленный гороскоп, сулящий Ивану всяческие благополучия. Но не зря, видно, называли Эйлера гением – он правильно понял язык звезд.

Говорили, что прощание Елизаветы со свергнутым младенцем было очень трогательным. Она взяла императора на руки и поцеловала со словами: «Бедное дитя. Ты вовсе невинно, твои родители виноваты», – и сослала его, невинного, со всем семейством в Ригу, потом в Холмогоры, а как подросток для тюрьмы, посадила его в отдельную камеру. И всю жизнь, пока не зарезали его по приказу Екатерины II, сидел Иван в крепости, как опасный политический преступник. Но это потом. Сейчас он еще в Риге, укутанный в пеленки с неспоротыми царскими вензелями на руках дородной кормилицы. У него еще все впереди... Иван был занозой в теле Елизаветы, непроходящей язвой, букой, которой стращали императрицу враги внутренние и внешние, грозя ночным арестом, монастырем и возвращением престола мальчику царю.

Поэтому, когда под пыткой у арестованного Лопухина вырвали слова, что-де императору Ивану будет король прусский помогать, поняли, что это заговор и что надобно искать серьезных сообщников. И нашли. Выяснилось, что еще в Москве, когда там стоял царский двор, заезжал к Наталье Федоровне Лопухиной, матери арестованного, австрийский посланник Ботта и говорил, что до тех пор не успокоится, пока не поможет Анне Леопольдовне с сыном Иваном, который в Риге под стражей сидит, что король прусский намерен им тоже помогать, а он, маркиз Ботта, будет о том стараться.

Появилось в опросных листах еще одно имя – Анны Гавриловны Бестужевой, урожденной Головкиной. Бестужева была близкой подругой взятой в крепость Натальи Лопухиной и во всех тайных пересудах принимала активное участие.

Это новое имя было очень привлекательно Лестоку, потому что Анна Гавриловна была замужем за дипломатом Михайлой Бестужевым, братом вице-канцлера. Ботта тоже был весьма близок с вице-канцлером по делам австро-венгерского двора. Если с умом взяться за дело и доказать, что Бестужева не по собственному недомыслию слушала крамольные речи Ботты, а по подсказке всесильного родственника, то не миновать вице-канцлеру далекой ссылки, а то и четвертования. Ничто так не послужит торжеству французской политики, как смещение Алексея Петровича Бестужева.

Подробностей этих не знали в Москве, тем более в навигацкой школе. И кажется, ни с какой стороны не могла коснуться столичная закулисная возня наших героев. Ан нет... Если покопаться да поразмыслить, то можно найти среди морских питомцев если не участников заговора по малости своей, то имеющих к нему отношение.

А кому еще думать и радеть об этом, как не штык-юнкеру Котову, который сидит запершись, меняет примочки на глаз и поминутно трогает сбитую набок челюсть – ни говорить, ни жевать проклятая не дает. Знай штык-юнкер, что уже прискакали драгуны из Петербурга с тайным приказом на арест родственницы вице-канцлера, поутихла бы его боль и заснул бы он в приятном ожидании расплаты, потому что попечительницу Алексея Корсака на театральном его поприще, щедрую его мучительницу и благодетельницу звали Анна Гавриловна Бестужева.

Глава 6

Алексей тихо ругался, влезая в театральный костюм: шнурки, бечевочки... Костюм был чужой, не на него шит, роль была не та и пьеса не та, что значилась на театральной афише.

Готовили «Трагедию о Полиционе, царевиче Египетском», где Алеше была отведена роль нежной и трепетной Береники. Роль эту он особенно не любил. Не то чтобы Береника его чем-то не устраивала, какая разница кого играть, царевич Египетский был гадок.

Полициона играл высокий истеричный семинарист, театральное дарование которого было представлено стройными и красивыми в лодыжках ногами. Котурны на них сидели великолепно. Поэтому если предполагалась трагическая роль, а котурны и трагедия неразлучны, истерический семинарист был незаменим.

На первой же репетиции обладатель стройных лодыжек, загипнотизированный сапфиром, украшавшим Алешин безымянный палец, стал кланяться у своей сценической возлюбленной деньги. Из опасения скандала Алексей дал незначительную сумму, не надеясь получить долг, но когда Полицион, криво улыбаясь, решил испытать счастье во второй раз, Корсак решительно отказался. Царевич Египетский сразу из просителя превратился в нахала, в бандита с большой дороги и попробовал заломить казавшейся хрупкой ручку Береники.

– А пошел ты! – гаркнула «нежная и трепетная» и ткнула возлюбленного ногой в живот. Полицион сложился пополам, ловя воздух ртом и закатывая глаза.

После этого случая и без того грустная жизнь Береники стала адом. Вместо поцелуев она получала укусы и щипки с вывертом. В финале, где трепетная безвинно погибает от руки обманутого Полициона, Алексей увидел приставленный к своему горлу отнюдь не бутафорский нож и, в нарушение всех трагических канонов, так дико заорал, что сорвал сцену и был всеми обруган.

«Трагедию о Полиционе» отменили совершенно неожиданно и взяли игранную ранее «Гонимую невинность», перевод с французского. Замена была произведена быстро и бестолково. Костюм Алексею принесли почему-то из «Приключения Теострика и Лиебозы». Он был поношенный, пыльный и к тому же велик. Как ни стягивал Алексей тесемки лифа, груди все равно разъезжались и топорщили платье не как изящнейшее украшение женского тела, а как надутые бычьи пузыри, которые подвязывают под мышками для плавания.

«Какой у меня вид ошалелый», – подумал он, глянув на себя в зеркало. На него таранилась испуганная, хорошенькая, но несколько кривобокая субретка – перепутал-таки шнурки, и толщинки легли неправильно. Перетягиваться было некогда. Он показал субретке язык и, прикрыв изъяны фигуры длинным плащом, поспешил на сцену.

Скорей бы начало... Он попытался сосредоточиться на роли, но воображение против воли нарисовало мрачную рожу Котова. Сегодня он столкнулся с ним в коридоре школы. Алексей хотел независимо пройти мимо и не смог, ноги сами приросли к полу. Котов обошел его кругом, осмотрел любовно, словно Ивашечку, которого вот-вот сунет в печь, и улыбнулся. И такая это была улыбка, что Алеша забыл дышать.

А в театре своя беда – Анна Гавриловна, что обещала сегодня любовные ласки.

Представление все не начиналось. Обряженные и загримированные актеры нервничали и разглядывали зал через глазок в занавеси. Алексей тоже посмотрел в зал, ища глазами благодетельницу. Горели свечи, качались пышные парики. Бестужевой не было. Кресло ее, поставленное как всегда чуть поодаль от прочих, пустовало, и было в этом бархатном троне что-то необычное – стоял криво, словно забытый, и привычная алая подушка не украшала его сиденья. «Может, заболела», – с надеждой подумал Алексей.

Кто-то натужно задышал ему в ухо.

– Сашка? Ты как здесь?

– Отойдем в сторону. Да побыстрее! Юбку-то подбери, – шептал, задыхаясь после быстрого бега, Белов.

Они спрятались в зарослях нарисованных библейских кущ.

– Твоя арестована!!! – выдохнул наконец Саша. – Не спрашивай, как да откуда... Точно. Взяли твою Анну час назад в крытую коляску и с ней дочь...

– Какую еще дочь?... – пролепетал Алеша.

– Анастасию Ягужинскую, от первого брака. Ты что, не знаком с ней?

Алексей ничего не ответил. Он растерянно обтер лицо, размазывая грим.

– Ты что молчишь-то? – Белов потряс Алексея за плечо. – Не слышал, что ли, – государиню хотели отравить.

– Анна Гавриловна-то здесь при чем? – растерянно спросил Алеша.

– Не нашего ума это дело. Взяли – значит, виновата.

Какая же она отравительница? Алексей вспомнил вдруг ее руки с холеной, словно прозрачной кожей. Он стоит истуканом, а руки хозяйски шарят по его телу, выискивая, куда бы сунуть кошелек. Больно будет таким ручкам в кандалах. Молил он судьбу, чтоб лишила его постылой ласки благодетельницы, да разве так? Разве желал он такой жестокости, чтобы помчали ее на допрос. Добра ведь она была, Анна Гавриловна...

– Очнись ты, наконец! Котов из норы вылез и по начальству побежал, а уж зловещ...

– Тоже мне новость! Я давно ареста жду.

– Да пойми, наивный человек, я не про наш Сухарев подвал говорю! Котов меня в коридоре за пуговицу поймал и ласково так начал выспрашивать – бывал ли ты в бестужевском доме, почему так обласкан, туда-сюда... А сам вроде бы в ответах моих и не нуждается. Дело-вит и весел! Чуешь, куда гнет? А ну как тоже в коляску да на допрос.

Алексей похолодел.

– О чем меня допрашивать?

– Найдут. Ты записки ее носил?

– Полгода назад вроде отнес одно письмо. А куда, убей бог, не помню.

– Там вспомнишь... У них, брат, на дыбе вспоминают. Бежать тебе надо и немедленно, потому что Котов рыщет, а он времени зря терять не будет.

– Бежать, прямо сейчас? А спектакль?

– Отыграй свой спектакль. Домой не ходи. Там могут засаду устроить. Деньги у тебя есть?

– Хватит, но ведь... – Алеша плохо соображал, – надо теплое взять, книги и еще... глобус.

– Какой к черту глобус? Ладно, я твои вещи сам соберу. Теперь слушай меня внимательно. Школа мне давно опостылела, ты знаешь. Словом, я бегу вместе с тобой.

Алексей, широко раскрыв глаза, уставился на Александра.

– Тебе-то зачем? Одумайся, Сашка! Без паспортов мы не люди. Котов два наших имени в одно соединит. Решит, что и ты в это дело замешан.

– Это мне решать, куда я замешан, а куда нет. Я не могу оставаться в Москве. Мне в Петербург надо. Понимаешь? Надо! А ты в Кронштадт к Чичигову открывать новые земли.

– Начинаем, начинаем, мадам... месье... – донеслось со сцены.

– Чичигов в Лондоне. Какой Кронштадт? – чуть ли не со слезами крикнул Алексей.

– Ладно. Потом решим, куда бежать. Сразу после спектакля приходи к Грузинской Богоматери. Знаешь? На Старой площади. Я там буду.

Представление не клеилось. Внезапность замены давала себя знать тем, что дух пьесы не улавливался играющими. «Трагедия о Полиционе» была написана в стиле высокопарном, и актеры произвольно навязывали этот стиль фривольной «Гонимой невинности».

Кроме того, суфлер был пьян, а оттого сердит и слишком громок. Сколько ни увещевали его, сколько ни давал он клятв не брать перед спектаклем в рот спиртного, из суфлерской

раковины всегда тянуло алкогольным душком, а подсказки перекрывали голоса самых громких актеров. Раньше суфлер был трезвенник, отличный был суфлер, но «окал» по-вологодски и очень возгорался. И половины действия не пройдет, а вся труппа окает и возгорается с суфлерскими интонациями. Выгнали его, да, видно, и этот, теперешний, скоро пойдет за своим предшественником.

Но публика принимала, как всегда, хорошо. В театр ходили себя показать и людей посмотреть, а то, что происходило на сцене, хоть и трогало зрителей, было далеко не главным в развлечении светского общества.

Алексей весьма вольно трактовал образ горничной. Он то мерил сцену угловатой мужской походкой, то застывал столбом, кусая губы и нетерпеливо топая ногой.

– Ах, мадам... Ну уж нет, мадам... Да пристало ли мне это, сударь, – лепетал он невпопад, а в голове вертелся один вопрос: «Что делать?»

Ответ подсказал суфлер:

– Живой я, сударь, не дамся, – крикнул он реплику мадам Лебрен.

«Вот ответ, – подумал Алексей. – Живым я вам не дамся. Живым на пытки не пойду».

Как только сцена с его участием кончилась, он побежал в гримерную и, закинув юбку на голову, подпоясался шпагой.

– Честь – суть мое достоинство... как я его понимаю... – шептал он, застегивая ремень.

Его выход. Мадам Лебрен поймала Алешу за рукав.

– Ты где шатался, Корсак? Странный ты нынче. Пошли... – И добавила озабоченно: – Что-то в зале шумно стало.

Драгунские мундиры он увидел сразу, и оттого, что в зале было много зеркал, мундиры удваивались, утраивались, исчезали штатские платья и женские робы, лишь драгуны стояли, сидели, искали глазами Алексея.

«Прав ты был, Сашенька! За мной... Как же отсюда выбраться? Второй этаж. Выход один – через зал. Еще надо успеть снять с себя эти женские тряпки». И Алексей начал пятиться в глубь сцены, машинально расстегивая пуговицы.

Драгун было четверо. Они стояли позади кресел и с любопытством смотрели на сцену. Публика успокоилась и перестала обращать на них внимание. Невзрачного вида человек, сопровождающий драгун, и вовсе не был замечен. Кому есть дело до штык-юнкера Котова, который поставил драгун у стенки, пошептал что-то старшему и исчез за кулисами.

Дальнейшие события расценивались и актерами и зрителями как переполох, смятение, вызванное совершенно непонятными причинами.

На сцене уже любовь вошла в полную силу, дамы и девицы даже веера поуспокоили, ловя взволнованные признания лицедеев, а старики заснули без помех, когда раздался истошный крик и в зал со сцены выскочила девица в сбитом набок чепце и неприлично поднятых юбках. И не успели зрители признать в ней недавнюю горничную, как девица сбила ногой высокий канделябр, пулей пролетела по зале и скрылась в боковой двери. За девицей, вопя и размахивая руками, проскакал человек в черном камзоле.

Канделябр словно нехотя стал заваливаться набок, но был подхвачен сильной рукой вельможи в роскошном кафтане. И только одна свечка выскочила из своего гнезда и упала прямо на золоченый подол сидящей дамы. Украшавшие подол пышные рюши занялись сразу, и по парчовому подолу, который сам не загорелся из-за обилия золотых нитей, игриво побежали два ручейка пламени.

Визг, гам, рев, перевернутые кресла – вся зала словно сбесилась. Всем казалось, что огненные ручейки бегут к их парикам и юбкам. «Пожар!» – закричал кто-то фальцетом. Вельможа старался сбить пламя с одежды дамы, но она рвалась из рук и истошно вопила. Актеры бросили играть и облепили рампу. Только суфлер оставался спокойным и продолжал громко выкрикивать реплики.

Драгуны, видно, забыли, зачем пришли, и теперь видели свой долг в немедленном прекращении всей этой кутерьмы, для чего встали в дверях и, отбиваясь от лавины наседающих тел, дружно гаркали:

– Господа, спокойствие... Уберите руки, сударыня... Ма-а-ть вашу... прекратить!

А где Алексей? Он сидит верхом на подоконнике и отбивается руками и ногами от обесилевшего Котова.

– Не уйдешь, злодей! Не выйдет, душегубец! – Штык-юнкер вцепился в Алешину юбку и стойко принимал на себя град ударов.

Не запри ты, старый дурак, примерную с актерскими пожитками, не суетись раньше времени, а выжди, и сидел бы твой юный враг в арестантской карете между мундирами, а теперь арестуй его попробуй, красноглазый черт!

Чувствуя, что Алексей вот-вот вылезет из юбки, Котов понял, что надо обхватить его за талию, присосаться к Корсаку и ждать драгун, чьи басовитые окрики слышались из залы. Собрав все силы, штык-юнкер грудью бросился на преступника.

Последней мыслью было: «Неужели прыгнул, подлец?» Через окно, не заслоненное Алешиным телом, заструилось небо и словно втекло в комнату, втащив с собой все звезды. Звезды вспыхивали, трещали, как на фейерверке в честь дня рождения Ее Императорского Величества Государыни Анны Иоанновны. Потом звезды полопались и образовалась тьма.

Удару «коленкой под дых с толчком из упора» Алексей был обучен еще деревенскими мальчишками, которые по субботам сходились в центре селца Перовского, чтобы подраться «конец на конец».

Глава 7

Саша Белов был девятнадцатым ребенком в семье мелкопоместного шляхтича из Тульской губернии. Беловы были живучи, и только четырех детей прибрал Господь, а остальные женились, вышли замуж и расселились по соседству с родительской усадьбой. Все земли окрест были беловскими, но помещики жили зачастую не богаче своих крепостных.

Отец Саши, Федор Пахомыч Белов, служил когда-то в пехотных полках сержантом, а в отставку вышел по обычаю того времени в офицерском чине. Человек он был простой, добрый и кроткий. Любимая супруга его умерла родами, произведя на свет последнего, Сашеньку, и он один остался опорой многочисленного семейства.

Беловы еле сводили концы с концами. Дети, зятья, внуки, словно состязаясь в настырности, без конца делили отцовскую пенсию, усадьбу, тридцать душ крепостных и даже нехитрый скарб родительского дома. Желание помочь многочисленной родне вынудило Федора Пахомыча заняться делом, казалось бы, вовсе ему не свойственным, – он начал писать письма, и этот эпистолярный труд скоро стал главным занятием в его жизни.

«Всемиловитый граф, отец и благодетель! Всенижайше прошу Вашего сиятельства простить мне, убогому, в моем дерзновении засвидетельствовать должное почтение и преданность мою...» – писал он важным адресатам, с коими состоял ранее в однополчанах. Вспомнил он также всех родственников от Литвы до Урала, правильно полагая, что и от них может быть какая-то польза.

Вряд ли нуждались сиятельные адресаты в изъявлении почтения убогого тульского помещика, но писем было написано так много, что обильный посев стал давать плоды, и ретивый корреспондент начал потихоньку распахивать детей и внуков по полкам и учебным заведениям.

Черновиками его, письмами, ответами были забиты до отказа два сундука, а Федор Пахомыч все писал и писал, уже не из рачения о потомстве, а находя невинную радость в таком общении с миром.

По неведомой протекции был устроен в навигацкую школу и Саша. Отец так и не понял толком, куда и зачем едет его младший отпрыск. Вместе с тощим кошельком и родительским благословением он выдал сыну пухлую книжицу, исписанную фамилиями и адресами. «В них помощь найдешь», – были последние напутственные слова родителя. Кроме книжки, Саша получил пачку рекомендательных писем.

Он с сомнением отнесся к родительскому дару, но по прибытии в Москву решил проверить некоторые из адресов, вооружился рекомендательными письмами и отправился с визитами.

Саша имел приятную наружность, при этом был общителен и уверен в себе, и хотя родительский дом не дал ему подходящего воспитания, сметливость, умение перенять и бойкий нрав, данные ему от природы, легко восполнили пробелы образования. Скоро он был принят во многих домах, и принят радушно.

Присмотревшись к городской жизни, Саша понял, что рассчитывать может только на себя, что навигацкая школа – место для него неподходящее и что карьеру он может сделать, только попав в гвардию. Служба в гвардии была самой почетной в России. Гвардия – вершительница судеб в государстве, на нее опирался всесильный Меншиков, гвардия свергла самого Бирона, и престол государыне Елизавете тоже дала гвардия. Как завидовал Белов гренадерам Преображенского полка! Ему в 1741 году было шестнадцать лет. Окажись он тогда в гренадерах, носил бы сейчас самую желанную форму – мундир лейб-кампанейца и мастера геральдики сочиняли бы для него новый герб.

Белов ждал только случая, знака судьбы, чтобы бежать в Петербург и поступить в Измайловский или Преображенский полк. Но не предполагаемый арест Корсака был этим знаком, и не одна мечта о гвардии толкнула Белова к мысли о побеге. Была еще одна причина, ото всех тайная, – страстная любовь к красавице Анастасии Ягужинской.

Он увидел ее зимой в доме вдовы полковника Рейгеля, где давал уроки. Они столкнулись на лестнице, и Саша онемел, потерялся, не смея даже взглянуть в прекрасное лицо. В памяти осталось что-то яркое, диковинное, словно в пасмурный голый лес прилетела тропическая птица и распушила на снежном сугробе свое драгоценное оперение.

Саша опять обратился к отцовской книге и начал выискивать дома, где мог увидеть Анастасию, и когда наконец свели их Сашины старания в общей гостиной, он подивился человеческой слепоте: как можно говорить, есть, пить, если в комнате сидит сама богиня.

Он не измышлял тайных встреч, не пробовал шепнуть любовные слова, боясь показаться смешным или затеряться в толпе вздыхателей, пока он довольствовался ролью наблюдателя. Но Александр свято верил, что настанет час, когда он сможет сказать Анастасии о своей любви, и любовь эта будет принята. Как смел скромный курсант навигацкой школы мечтать об одной из лучших невест России, спросите вы? Это ли не наивно?

Саша знал, что мать Анастасии – важная боярыня Бестужева, что покойный отец – Павел Иванович Ягужинский – был генерал-аншефом, генерал-прокурором Сената и денщиком Петра I, но в том надежду для себя видел честолюбивый молодой человек, что знал также – дед Анастасии был бедным органистом из Литвы. И поныне стоит лютеранская церковь в Немецкой слободе, где наигрывал Иоганн Ягужинский хоралы и фуги. А уж если сын безродного музыканта достиг кабинета министров, то почему бы и ему, дворянину, не уповать на судьбу, а более всего на свой ум и изворотливость.

Весть об аресте Бестужевой с дочерью потрясла Сашу. В эгоистической своей любви он в первый момент мучился не жалостью к арестованной Анастасии, а клял судьбу, что отобрала у него мечту, лишила счастья наблюдать за каждым шагом своей возлюбленной дамы. Однако поразмыслив, он сообразил, что арест не отодвинул от него Анастасию, а наоборот – дал шанс. Дочь опальных родителей мало стоит на ярмарке невест. После допроса повезут арестованных женщин в Петербург, в крепость. Там будут досконально разбираться, кто в чем виноват. Может быть, он, Александр Белов, и полезен будет своей возлюбленной. В Петербург, за ней!

Сразу из театра он побежал к себе на квартиру, чтобы собраться в дорогу. Хотя что собирать? Книги, одежда, белье – это все лишнее, только руки будет оттягивать. Деньги, их мало... придется рассчитывать на Алешкины. Ну да ладно... Когда-нибудь он сполна вернет Корсаку долг. Отцовская книга... она всегда при нем. Может быть, это и есть его основное богатство, залог успеха?

Затем он отправился на квартиру Корсака. Хозяйка долго гремела засовом, потом долго рассматривала Сашу через приоткрытую дверь.

– Самого дома нет.

– Я знаю, что нет. Он в театре, Маланья Владимировна. Мы условились, что я подожду его здесь.

Хозяйка неохотно пропустила Сашу в сени.

– А скажите, не заходил ли к вам человек... неприятный такой, весь в черном?..

Маланья Владимировна плюнула в угол, перекрестилась и ушла, хлопнув дверью, решив, что безбожник-курсант пугает ее сатаной.

Зря он пообещал Алексею собрать его вещи. Засады здесь никакой нет, а что брать в дорогу – совершенно непонятно. Корсак – человек аккуратный, и маменька, видно, регулярно снабжает его одеждой и прочим барахлом. Александр взял пару крепких башмаков, суконный кафтан, плащ и большой компас с поцарапанным стеклом, завязал все это в узел и тихо, чтоб не услышала хозяйка, вышел.

Десять часов... Еще рано, и ноги сами понесли его в сторону опустевшего особняка Бес-тужевых. Сколько вечеров провел он подле этого дома, глядя на мезонин, где за колоннами скрывалась спальня Анастасии! Бывало, погаснет весь дом, утихнет улица, одни собаки дерут плотку, а он все стоит под деревом и ждет неизвестно чего. Словно крепкие канаты тянутся от ее окна, опутывают ему руки и не дают уйти.

Колонны мезонина слабо светились в темноте. «Кто это у нее в спальне? – с тревогой подумал Александр. – Или обыск делают?»

Свет в спальне погас, и по дому, освещая поочередно окна, начал двигаться неяркий огонек. «Горничная бродит по барским покоем», – успокоил себя Саша и тут заметил, что не он один внимательно всматривается в блуждающий свет. Какой-то мужчина, вида непорядочного, шнырял в кустах сирени, а потом открыто подошел к решетке палисада и побрел прочь, пригнув голову, словно вынюхивая. «Не иначе, как шпион», – с ненавистью подумал Саша, отступая в тень.

Внезапно ближайшее окно отворилось, и он с восторгом и удивлением увидел дорогое лицо. Она! Вернулась! Отпустили!

Анастасия выглянула из окна, словно ополоснулась ночным воздухом, и села в кресло. Оконная рама стала резным обрамлением ее красоте. Она сидела покойно и тихо, лицо ее выступало из темноты, как что-то нереальное, и если бы ветер не шевелил волнистые пряди у виска, не теребил кружева воротника, Александр бы мог подумать, что все это плод его воображения.

«Милая... Я здесь, я рядом...» Саша почувствовал, как где-то в доселе скрытых тайниках его души рождаются слезы умиления и болезненно счастливой жалости к себе, и нежности к ней, и щедрой, как озарение, доброты к этому дому, этой ночи, к звездам, деревьям – ко всему миру.

Узелок с отобранными для побега вещами выпал из его пальцев и откатился под куст сирени, чтобы пролежать там до утра.

Глава 8

Никита Оленев снимал верхние апартаменты в богатом старинном доме на углу Сретенки и Колокольниково переулках. Крутое, в два излома, крыльцо вело на второй этаж. Три теплых помещения, два холодных, обширные сени и балкончик в затейливой резьбе – истинно княжеское помещение. Под лестницей находились баня и хозяйский винный погреб со множеством дубовых и липовых бочонков. Когда Никита был при деньгах, Гаврилу то и дело гоняли вниз с кувшином, а потом гурьбой шли в баню, ломая во дворе свежие березовые веники.

Воскресный день Никита проводил дома. Он лежал в подушках на лавке, укутав ноги одеялом, и пытался читать. Намедни он перепил морсу со льда, и у него болело горло, мучил то озноб, то жар, и злость за вынужденное свое безделье он срывал на камердинере Гавриле.

– Ты зачем, чернокнижник, эти подозрительные рецепты в дом притащил? Людей травить?

– Грех вам, Никита Григорьевич, говорить такое. Вы знаете, я эти книги читаю от природной склонности к перемешиванию различных компонентов с целью изобретения различных снадобьев.

– Слова-то выучил – «компонентов»! Фу, горечь какая! И кисло, – сморщился Никита, выпив лекарство. – Опять «незначительное количество незрелых померанцев»? А почему воняет мерзко?

– В этой настойке сложный букет трав для согретия груди, – торжественно произнес Гаврила. – Незрелые померанцы идут для других целей.

– Мне бы лучше незначительное количество спиртовой настойки да со зверобоем. Это мне больше поможет.

– Спирт при вашем телосложении зело вреден. – Гаврила вздохнул. – Яд он при вашем телосложении. Будете принимать это питье, – он указал на бокал, – мане эт нокте, то есть утром и вечером.

Никита рассмеялся.

– Мне-то хоть латынь не переводи, эскулап. Латынь для твоего телосложения – яд!

Камердинер с отвлеченным видом уставился в окно.

– Сходи еще раз к Алексею, может, он уже дома.

– Не ночевали они дома. Хозяйка ругается, мол, где их носит, но я передал, чтоб непременно к вам ступать изволили, как только явятся.

– Тогда к Саше.

– Они тоже не ночевали дома. Хозяин...

– Понятно, ругается, где их носит, но ты передал, чтоб непременно ко мне ступать изволили...

– Так точно... как только явятся. Теперь будете изволить потеть. – И камердинер неслышно ушел в свою комнату.

Комната Гаврилы, самая большая в снятом помещении, напоминала кабинет алхимика. На приземистом, длинном столе расставлены были фаянсовая и порцелиновая посуда, колбы, склянки, реторты и прочая чертовщина. В поставце, выкрашенном на голландский манер в черный цвет, в пронумерованных банках держал он те самые «компоненты», к перемешиванию которых имел склонность. В комнате всегда, даже в жару, топилась печь, воздух был сухой, со сложным запахом. Гаврила был здесь полным хозяином, и Никита никогда не спрашивал себя, по какому праву слуга занимает в доме то помещение, которое сам выбирает.

Наверное, потому, что Никита не мог вспомнить, когда в его жизни появился Гаврила. Он был всегда. В тот самый миг, когда вложили в Гавриловы руки корзину с младенцем, а именно так появился Никита в родном доме, душа камердинера дрогнула состраданием

и нежностью, и согретый этими чувствами он стал, как умел, оберегать юного князя от жизненных напастей и несправедливости.

Вначале ссорился с иноземной кормилицей (у немок молоко постное!) и тайно подкармливал младенца из рожка русским грудным молоком, потом пилил нянек-неумех и сам стал нянькой, потом ворчал и неотступно наблюдал за нерадивыми гувернерами и как бы между делом выучился грамоте. Иногда князь Оленев-старший забирал Гаврилу с собой в заграничные поездки, но и там заботливый слуга не оставлял вниманием своего юного барина и в помощь учителю географии писал длинные письма с подробными описаниями Парижа и Мюнхена. Когда Никита поехал учиться в Москву, князь Оленев, зная привязанность сына к Гавриле, отдал ему камердинера в вечное пользование.

Среди дворни Гаврила почитался удивительным человеком. Молодость его протекала в бурных романах, в которых он проявлял истинно барские замашки. Непонятно, чем он прельщал прекрасный пол – худ, сутул, мрачен, назидателен, а лицо такое, словно Творец, лепя его, во всем переусердствовал: нос длиннее, чем нужно, брови косматы – на троих хватит, глаза на пол-лица. И почему-то все любовные истории легко сходили Гавриле с рук. Любому из дворни за такие проделки всю спину исполосовали бы на конюшне, а этому опять ничего – ходит по дому, ворчит, светит глазищами, как фонарями. Удивительный человек был барский камердинер!

К тридцати годам Гаврила остепенился и приобрел новую страсть, которая в Москве окончательно сформировалась, – он стал знахарничать и копить деньги. Склонность к первому он приобрел от матери – она пасла коз, снимала порчу и почиталась колдуньей. Поездки за границу развили в нем интерес к драгоценному металлу, и интерес этот стал основным двигателем Гаврилы на благородном поприще фармацевта, парфюмера и лекаря.

Гаврила готовил все – был бы покупатель. Толок серу и делал легкую как пух пудру для париков. Топил в глиняном горшке дождевых червей для закапывания в глаза, настаивал мяту от сердца, горицвет от водянки, делал навары из медуницы и хвоща для промывания гноящихся ран, изготавливал жидкие румяна и даже по собственному рецепту варил лампадное масло. Оно хоть и не имело того благовония, что церковное, стоило в десять раз дешевле и всегда имело сбыт.

Книгу, пренебрежительно названную Никитой «подозрительными рецептами», Гаврила купил на Никольской «из-под полы» в немецкой книжной лавке. Она называлась «Зеркало молодости Бернгарда» и содержала около сотни полезных советов, как сберечь мужскую силу с помощью телесных упражнений и различного вида лекарств.

Придя от барина, Гаврила сел за стол, открыл «Зеркало молодости»: «Полезные и верные советы для ослабленных. Надлежит взять незначительное количество анисового масла, смесь железа, молочного сахара и смесь сиропа арака...»

Гаврила задумался.

– Барин, что такое арак?

– Напиток. Думаю, что горький. Тебе подойдет, – отозвался князь из своей комнаты.

– А из чего его делают?

– Из сока финиковых пальм. Нет финика, пойдет кокос. То есть сок кокосовых пальм.

– Что?

– Нет кокоса, пойдет лопух. Я думаю, клиент тебя простит.

И каждый углубился в чтение.

Ни Белов, ни Корсак так и не появились до вечера, и утром в понедельник, обеспокоенный их отсутствием, Никита решил пойти в школу, хоть боль в горле не прошла и Гаврила, как мог, препятствовал его уходу.

Занятия в навигацкой школе еще продолжались, но везде царил предотпускная суета. За учениками младших классов приехали родители, и в канцелярии срочно оформляли

отпускные подписки, в которых не вернувшихся в срок курсантов стращали каторжными работами. Обычно подписки оформлял штык-юнкер Котов, и кто не умел так значительно и важно присовокупить к отпускной бумаге основное украшение морской инструкции: «За побег ученика полагается ему смертная казнь». Но Котова на месте не было, вместо него оформлял документы писарь Фома Игнатьевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.